

Синило Г. В.

Белорусский государственный университет, Минск

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ БИБЛИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Современного гуманитария, как и гуманитария прошедших эпох, невозможно представить без книги. Впрочем, и любого образованного человека нельзя представить без нее - в традиционном ли бумажном варианте, или на электронных носителях. Однако существуют совершенно особые книги - своего рода первокниги, определившие лицо современной цивилизации или того или иного ее ареала. Их можно определить как метатексты, порождающие новые тексты, становящиеся фундаментом той или иной культуры, словно бы вырастающей «на полях» такого метатекста. Последующая культура ведет бесконечный диалог со своим метатекстом, бесконечно цитирует и интерпретирует его. Тем самым метатекст одновременно становится и генеральным интертекстом, «внутренним кодом» той или иной культуры. Так, метатекстом для индийской цивилизации стали Веды (Самхиты), «на полях» которых образовался огромный корпус Араньяков и Упанишад, толкующих Веды. Для европейской культуры и литературы таким метатекстом в известном смысле стали классические тексты греческой литературы и философии. Однако еще одним великим, генеральным метатекстом европейской культуры и литературы - и единой Книгой в прямом смысле слова, уникальной в своем единстве, - стала Библия, явившаяся синтезом духовного, исторического, культурного опыта древнееврейской культуры, а также возникшей в ее лоне культуры раннехристианской. Неслучайно когда-то В. Гюго написал, что «из всех книг, побывавших в руках людей», поэт «должен изучать только две: Гомера и Библию. Ибо эти достойные поклонения книги, первые по времени создания и по значению и почти такие же древние, как мир, сами по себе - целый мир для мысли. Вы находите здесь как бы все мироздание, взятое с двух его сторон: в гомеровском эпосе - как понимает его человеческий гений, в Библии - как видит его Дух Божий» [7, с. 445]. Еще раньше великий Гёте утверждал, что настоящему художнику в жизни нужны лишь две книги

- Библия и Природа, и писал о первой: «...рассматриваемая книга за книгой. Книга Книг явит нам, зачем дана она нам - затем, чтобы приступали мы к ней, словно ко второму миру, чтобы мы на примере ее и заблуждались, и просвещались, и обретали внутренний лад» [6, с. 143].

Как известно. Библию часто именуют перифрастически Книгой Книг. Эта типично библейская, ивритская конструкция - *Сэфер га-Сфарим* - означает самую высокую степень качества, особую выделенность предмета или явления и может быть переведена как «книга над всеми книгами», «самая лучшая книга», «самая превосходная книга»; однако это выражение указывает также на структуру и, возможно, на особое смыслопорождающее назначение этой Книги: «книга, состоящая из множества книг», «книга, внутри которой в потенции содержатся последующие книги». Библия, сыгравшая особую роль в становлении современной цивилизации и культуры, продолжает оказывать огромное на духовную жизнь многих народов, по-прежнему лидирует в «Книге рекордов Гиннеса» по числу изданий, тиражей, переводов на различные языки (ныне она переведена более чем на две тысячи языков мира, и каждый год появляется несколько новых переводов). Неслучайно, обращаясь к Библии в тяжкую годину для своего Отечества, в страшном, голодном и мятежном 1918 году, и ища утешения на страницах великой книги, русский поэт Валерий Брюсов писал: «О Книга Книг! Кто не изведал / В своей изменчивой судьбе, / Как ты целишь того, кто предал / Свой утомленный дух тебе? // В чреде видений неизменных / Так совершенна и чиста / Твоих страниц проникновенных / Немеркнущая красота. // ...Какой поэт, какой художник / К тебе не приходил, любя? / Еврей, христианин, безбожник - / Все, все учились у тебя» («Библия»),

Не случайно и то, что в ряду неизменно и неизбежно обращающихся к Библии, бесконечно учащихся у нее русский поэт первым называет еврея: «Еврей, христианин, безбожник...» Действительно, Библия связана прежде всего с еврейской культурой, еврейской судьбой, историческим путем еврейского народа, его духовными и эстетическими поисками. Как «портативное отечество евреев» определил в свое время Библию Г. Гейне - шутливо и в то же время вполне серьезно: то духовное отечество, которое никто, никакие гонения отнять не могли и не могут. Собственно, Библия является главным творением еврейской культуры, главным вкладом последней в сокровищницу культуры мировой. Подчеркнем: это касается в равной степени и еврейского Священного Писания (Танаха, или Еврейской Библии), и христианского (Христианской Библии), хотя под названием

Библия европейцы чаще всего имеют в виду именно христианское Священное Писание. Волею судеб обе Библии оказались взаимосвязанными. Точнее, Христианскую Библию невозможно представить без Еврейской Библии, а подавляющее большинство смыслов, духовных парадигм, знаменитых высказываний и афоризмов собственно христианской части Библии - Нового Завета - вытекает из еврейской ее части - Ветхого Завета. В то же время и то, и другое является, в сущности, плодом древнееврейской культуры, ее открытий и внутренних споров, разрывов и разминовений, оказавших огромное влияние на развитие мировой цивилизации, в особенности же - европейской.

Еврейскую культуру не случайно именуют «культурой Книги», а евреев - «народом Книги» (как *ахль ал-Китаб* - «люди Писания» - евреи определены в Коране). Сводным памятником древнееврейской культуры и фундаментом последующей еврейской культуры стал ТаНаХ (аббревиатура-акроним, в которой согласные являются начальными буквами названий трех частей канона: *Тора* - Закон, или Учение; *Неетш* - Пророки; *Кетувим*, или *Ктувим*, - Писания; по фонологическим законам языка в конце слова [к] переходит в [h]), который строится как грандиозный триптих, где каждая последующая часть комментирует предыдущую, является ее хронологическим и логическим продолжением, дополнением и исполнением. Кроме того, в религиозном каноне нашли себе место самые разнообразные не только религиозные но и светские жанры: эпос в различных его видах (мифологический, исторический, героический; историческая хроника), религиозно-философская и любовная лирика, афористика и т. д. Как замечает С. С. Аверинцев, «канон оказался построенным как маленькая литературная "вселенная", включающая самые разные тексты - однако в прямом или косвенном, изначальном или вторичном соотношении с религиозной идеей» [3, с. 271]. Но в более широком смысле канон стал своеобразной моделью Вселенной, вмещающей Бога и человека, мир во всех многообразных его проявлениях, человека во всех сферах его бытия.

Древнейшие сказания, вошедшие в Танах, начали формироваться еще первой половине 2-го тыс. до н. э. Записывались же тексты Танаха между XIII- II вв. до н. э. Три его раздела канонизировались постепенно и окончательно оформились как единое Священное Писание ко II в. н. э., когда от иудаизма уже отделилось генетически с ним связанное христианство. Таким образом, закрепившись в первые века новой эры. Танах прожил еще две тысячи лет и живет сегодня - одновременно несколькими жизнями.

Во-первых, он живет по-прежнему как Священное Писание иудейской традиции, или Еврейская Библия - *Biblia Hebraica* (латинский термин, ставший международным). При этом греческое название негреческого происхождения (от ханаанейского города /я/а/. *Библос*, откуда греки получали писчий материал - папирус) - *Βίβλος* (с определенным артиклем - *τῆς Βίβλου*, что можно перевести как «истинные книги») - стало применяться к текстам Танаха еще в III в. до н. э. в эллинизированном Египте, в Александрии, где еврейские мудрецы, толкователи Священного Писания, осуществили перевод на древнегреческий сначала Торы, а затем и всего Танаха. И появилось это название как калька одного из обозначений Священного Писания в еврейской традиции - *Сэфарим*, или (в современном произношении) *Сфарим* («Книги»: от иврит, *сэфер* - «книга»), и лишь позднее было отнесено к христианскому Священному Писанию.

Во-вторых, тексты Танаха, без всяких изменений (если только не считать изменением перевод на другие языки), вошли в Христианскую Библию и стали ее первой частью - Ветхим Заветом («ветхий» - в значении «древний», «старый»; ср. нем. *Das Alte Testamente* англ. *The Old Testament*, бел. *Стары Замаеет* и т. п.), к которому прибавились тексты Нового Завета, записанные на греческом языке между 50 и 120 гг. Канонизирована же Христианская Библия была в 395 г. Само переименование Танаха, составляющего четыре пятых Христианской Библии, конечно же, отражает христианскую богословскую интерпретацию: ветхозаветные события и смыслы понимаются как преддверие и предсказание («преобразование») того, что описано в новозаветных. Ветхий Завет - лишь как необходимая ступень более значимого Нового Завета. Однако только два Завета вместе составляют христианское Священное Писание, что в свое время афористично сформулировал Августин Блаженный в латинском двустии: «Новый Завет в Ветхом скрывается. Ветхий - в Новом открывается». С точки зрения христианской традиции. Ветхий Завет, хотя он и является основой Нового, сам по себе не имеет логического завершения и окончательного смысла; этот смысл обретается им только в Новом Завете. С точки же зрения иудейской традиции. Танах самодостаточен и вовсе не предполагает прибавления Нового Завета, он содержит в себе все, что необходимо для осмысленного бытия человека перед лицом Бога и другого человека.

В-третьих, в преображенном виде (в виде отдельных сказаний в вольном пересказе) сюжеты Танаха вошли в Священное Писание ислама (мусульманства) - Коран (VII в. н. э.), оказали влияние на его формирование (не случайно пророк Мухаммад считал мусульман, как

и иудеев, потомками Авраама - Ибрагима). В Коране фигурируют многие персонажи Танаха, только их имена приобретают арабизированную форму: так. Ноах (Ной) становится Нухом, Авраам - Ибрагимом, Иицхак (Исаак) - Исхаком, Иааков (Иаков) - Иакубом, Йосеф (Иосиф) - Йусуфом, Моше (Моисей) - Мусой и т. д. Есть в Коране и пророк Иса (Иисус Христос), сын Мирьям (Марии) , и пророк Иахья (Иоанн Креститель), и т. д., но величайшим пророком, «печатью пророков» считается в мусульманской традиции именно пророк Мухаммад.

Таким образом, иудаизм и его Священное Писание дают начало еще двум великим религиозным традициям - христианской и мусульманской. Уже один этот факт говорит и о единстве судеб современной цивилизации - единстве, которое во многом обеспечено духовными смыслами Библии. Именно эти три религии - иудаизм, христианство и ислам - являются монотеистическими (или просто теистическими), т. е. признающими Единого Бога как трансцендентную Высшую Сущность и как Бога Живого. Все три религии являются универсальными по своим принципам, т. е. надэтничными, не требующими для вхождения в свои ряды той или иной национальной принадлежности человека. Не случайно все три религии часто именуют авраамитическими. Это определение подчеркивает, что в их основе - духовный опыт и нравственный подвиг Авраама, праотца еврейского народа и «отца всех верующих», в определении апостола Павла. И все чаще и чаще мыслители, философы, культурологи говорят о единой иудео-христианской цивилизации и культуре, имея в виду в первую очередь европейскую цивилизацию и культуру.

Как известно, европейская культура вырастает на скрещении двух равномошных влияний - античного (эллинского) и библейского (древнееврейского), как результат встречи двух культурных и языковых стихий - с одной стороны, близких друг другу еврейской (ивритской) и арамейской, с другой - эллинской (древнегреческой). В свою очередь, эти культуры, синтез которых осуществился в восточном христианстве, вступили в диалог с культурами автохтонных народов Западной, Центральной и Восточной Европы. И если влияние эллинской культуры было определяющим в сфере эстетики и рационального мышления, то влияние Библии было и остается определяющим в сфере духовно-этической. Известный американский историк и публицист М. Даймонт

¹ Под Мирьям, однако, имеется в виду не Дева Мария, но сестра пророка Моисея (в русском Синодальном переводе - Мариамь).

писал: «После краха греческой цивилизации Европе понадобилось 16 столетий, чтобы осознать, что ее литература, наука и архитектура уходят корнями в греческую почву (речь идет об эпохе Ренессанса, когда Европа открыла для себя значение эллинской культуры. - Г. С.). Быть может, понадобятся еще несколько столетий, чтобы осознать, что духовные, морально-этические и идеологические истоки западной цивилизации коренятся в иудаизме» [8, с. 13]. Имеются в виду в первую очередь важнейшие духовные открытия Танаха, которые можно, по-видимому, свести к трем основным моментам: 1) совершенно новое понимание Бога - идея монотеизма (Единобожия); 2) новое понимание взаимоотношений Бога и человека - идея Союза, или Завета, с Богом, инициируемого Самим Богом; с этим связано открытие диалогичности культуры и истории, понимание их как диалога между Я и Вечным Ты (в терминологии М. Бубера); 3) новое понимание служения Богу и законов человеческого общежития, выражающееся в осознании примата этического начала. Все это нашло наиболее ясное и четкое выражение в знаменитом Декалоге - Десяти Заповедях (*Псх 20:1-17*).

До сих пор длится в европейской культуре союз и одновременно спор Афин и Иерусалима, эстетического и этического. Однако совершенно очевидно, что Библия оказала большое воздействие не только на духовно-этическую сферу европейской культуры, но и на развитие европейского искусства: чтобы увидеть это, достаточно пройти по залам любого крупного музея мира, где на уровне сюжетно-образного ряда значительную часть составляют сюжеты и образы, порожденные античным миром, и не меньшую часть - миром библейским. Но, разумеется, принципы библейской эстетики во многом (если не кардинально) отличаются от эллинских. Подчеркнем, что это вновь союз-спор взаимодополняющих и одновременно противоположных друг другу начал, различных подходов к миру и человеку, к уразумению места, занимаемого человеком в универсуме, различных принципов воплощения бытия. Сопоставляя эти подходы, С.С. Аверинцев пишет: «Греция дала образец меры. Библия - образец безмерности; Греции принадлежит "прекрасное". Библии - "возвышенное", то особое качество, которое в природе присуще не обжитым местностям, но крутизнам гор и пучинам морей. Тема греческой поэзии - статика формы, тема библейской поэзии - динамика силы. Грек Протагор сказал: "Человек есть мера всех вещей"; но Библия рисует бытие, как раз неподвластное человеческой мере, несоизмеримое с ней» [1, с. 189].

Идея несоизмеримости человеческой меры и мира, созданного Богом, Самого Бога, понимаемого как внеприродная волевая доминанта.

как чистая духовность и нравственный Абсолют, являющийся, тем не менее, живой Личностью, совершенной в своей полноте и к этому совершенству стремящейся приобщить человека, - эта идея организует особым образом и этический, и эстетический мир Библии, обуславливает специфику ее литературной топики. Библейский подход корректирует протагоровский тезис - столь привлекательный тезис светской гуманистической культуры - и напоминает об опасности его гипертрофии, неизбежно ведущей к обезбоженному миру морального релятивизма. Кроме того, следует отметить, что в противовес эллинской культуре зрения - культуре пластичных, скульптурных, архитектурных форм, простирающих свою власть и над поэтическим словом, - культура библейская является культурой голоса и слуха, культурой звучащего слова, бесконечного вслушивания в незримое и едва уловимое веяние Духа Божьего, в голос Божий. В связи с этим главная задача слова, звучащего в Библии, - уловить и выразить это веяние и этот высокий голос, равно как и ответное движение человеческого духа в его бесконечном «дорастании» до Духа Божьего. Именно поэтому Бог и человек практически никогда не становятся в библейских текстах объектами изображения, описания (к бестелесному, нетварному Богу это неприменимо по определению), но всегда предстают как субъекты морального выбора.

Это глубоко связано именно с различным восприятием мира и времени: если для греков важнее пространство, целостный космос, освоенная человеком ойкумена (экумена), то для евреев - время, точнее - мир, развертываемый во времени. Не случайно впервые понятие «святость» в Библии возникает не по отношению к пространству, но по отношению ко времени: Бог, сотворяя мир, освящает Седьмой день Творения - Субботу (дословно - «отделяет [от будней, от профанного]»). Все это непосредственно преломляется в специфике, соответственно, эллинской и библейской эстетики, каждая из которых опирается на своеобразное восприятие времени и универсума. Показательно, что если эллинское понятие *космос* («порядок», «вселенная») является именно пространственным, выражает неизменную упорядоченную структуру, покоящуюся в пространстве, то еврейское понятие *олам* («вечность», «век», «продолжительность», «далекое прошлое», «далекое будущее», «вселенная, движущаяся во времени») - понятие скорее временное, или временное и пространственное сразу. Нелучайно в своем переводе Пятикнижия Моисеева на немецкий язык выдающиеся мыслители XX в., иудейские экзистенциалисты М. Бубер и Ф. Розенцвейг передали понятие *олам* как *Weltzeit* - «мировое время», «мир, развертывающийся во времени».

Сопоставляя эллинское представление о космосе и еврейскую концепцию *олама*, С.С. Аверинцев пишет: «Греческий мир - это "космос", по изначальному смыслу слова такой "наряд", который есть "ряд" и "порядок"; иначе говоря, законосообразная и симметричная пространственная структура... Внутри космоса даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возврате, явно или латентно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и философских, отнимает у времени свойство необратимости и дает ему взамен мыслимое лишь в пространстве свойство симметрии. Внутри "олама" даже пространство дано в модусе временного движения - как "вместилище" необратимых событий» [2, с. 229].

Глубинно это связано также с различным восприятием времени. Для греков, как и для язычников вообще, время циклично, поэтому история является частью природы и обладает свойством возвращения, как возвращаются времена года. Согласно замечанию А.Ф. Лосева, «это необычайно сужало и ограничивало античную философию истории и навсегда оставило ее на ступени таких концепций, как вечное возвращение, периодические мировые пожары, душепереселение и душевоплощение» [9, с. 201]. Библия впервые размыкает замкнутый круг повторяющегося языческого времени и открывает время осмысленное и направленное, идущее к конечной цели, т. е. *собственно историческое время*. М.И. Гаспаров писал: «Античное время двигалось по бесконечному кругу, как звезды в небе, которое всегда было и всегда будет. Библейское время двигалось по прямой, как стрела, летящая от сотворения мира к светопреставлению. Европейская культура выросла из обоих этих корней» [8, с. 114]. Еще раньше об этом писали К. Ясперс и Н. Бердяев. Последний, размышляя о во многом загадочной и непостижимой судьбе еврейского народа, писал: «Еврейству принадлежала совершенно исключительная роль в зарождении сознания истории, в напряженном чувстве исторической судьбы, именно еврейством внесено в мировую жизнь человечества начало исторического» [4, с. 68].

Таким образом, греческие культура и литература основаны на созерцании мира как статичной структуры, покоящейся в пространстве, еврейские - на осмыслении потока времени, мировой истории и вплетенной в нее собственной судьбы, подчиненной замыслу и воле Господа. Отсюда - преимущественная пластичность эллинской культуры и динамичность культуры древнееврейской. И эллинская «статика формы», и древнееврейская «динамика силы» (С.С. Аверинцев) оказались равно востребованными европейской

культурой и литературой. Наряду с классическими произведениями античной литературы Библия стала для европейской культурной и литературной традиции тем текстом, через призму которого можно исследовать своеобразие той или иной эпохи, глубже видеть ее интенции, силовые линии, новаторские поиски - и именно тогда еще яснее, когда они преломляются через великую устоявшуюся традицию. Для ряда эпох европейской культуры, как замечает С.С. Аверинцев, «библейская поэзия стала коррективом и дополнением к античному идеалу красоты и уравновешенной меры» [1, с. 189]. Уточним, что это в первую очередь касается кризисных, так называемых переходных и переломных эпох в европейской культуре, наиболее остро ощущающих разрыв с традицией, - таких, как эпоха XVII в. (и прежде всего искусство и литература барокко), эпоха романтизма, эпоха декаданса и модернизма. В этом смысле само обращение к библейскому тексту и то или иное обращение с ним являются достаточно наглядными показателями художественной устремленности той или иной эпохи.

Библейская эстетика, покоящаяся в первую очередь на категории возвышенного и позволяющая максимально приблизиться к выражению невыразимого, создать ощущение присутствия трансцендентного, в наибольшей степени заявляет о себе в так называемые переходные, переломные, «проклятые» времена - времена шатаний и потрясений, ломки старого и рождения в муках нового, во времена обострения социальных противоречий и катастрофичности сознания, пытающегося пробиться к Первосущности через хаос и суету. Это подтверждают наблюдения над текстами, порожденными эпохой XVII в. (особенно барокко), эпохой романтизма, рубежа XIX-XX вв., а также нынешним переломным временем. На рубеже XX-XXI вв. вновь обострился интерес к библейским смыслам и парадигмам, библейской эстетике и поэтике. Это подтверждают и художественные поиски белорусской культуры, в частности литературы, в особенности - поэзия Р. Бородулина, создавшего на переломе XX-XXI вв. яркие поэтические переложения Псалмов, Притчей Соломоновых, Песни Песней, Екклесиаста.

Итак, что же дает современному человеку изучение Библии? Во-первых, оно дает ему более стереоскопическое видение путей развития мировой культуры, европейской цивилизации, оно учит подлинной толерантности во взаимоотношениях религиозных культур, определяющих во многом лицо современного мира; оно дает подлинную опору в жизни и учит истинной духовности. Изучение Библии неопенимо и незаменимо для религиоведа, литературоведа, искусствоведа, культуролога, ибо без нее нельзя понять ни современное

состояние религий, ни историю литературы, ни историю искусств, ни ментальность различных культурных эпох и ареалов. Изучение Библии важно для лингвиста, ибо библеизмы насыщают современные европейские языки, а переводы Библии во многом обусловили становление национальных языков и подпитали их (тем более знание Библии и ее специфических выражений, ее героев крайне важно для переводчика). Без знания Библии трудно быть образованным философом и разбираться в религиозной философии, в религиозном экзистенциализме, в философском диалогизме (обе концепции опираются на Библию), понимать чрезвычайно трудную и по-прежнему актуальную проблему теодицеи. Изучение Библии важно для историка, ибо вся она - сгусток реальной истории на протяжении как минимум двух тысяч лет; она во многом помогает прояснить исторический контекст развития Древнего мира, сложную картину взаимодействия народов и культур Ближнего Востока и Средиземноморья. Изучение Библии необходимо для юриста, ибо в ней представлено одно из древнейших и наиболее разветвленных законодательств, касающееся абсолютно всех сфер человеческой жизни. Более того, европейское право во многом покоится не только на римском праве, но и на библейских законах. Знание Библии очень много дает и представителям естественных наук, особенно физикам, что подтврждают работы И. Ньютона, высказывания А. Эйнштейна, интерес адептов концепции происхождения вселенной в результате «большого взрыва» к космогоническим главам Писания.

Перечислять, что дает Библия различным сферам знания и образования, можно бесконечно. Однако, безусловно, более всего необходимо это изучение культурологам (в силу междисциплинарности самой культурологии и синтетичности культурологического знания) и филологам, ибо Библия - литературный текст, и один из ярчайших в мировой культуре, оказавший колоссальное влияние на мировую литературу, прежде всего европейскую, которую без знания Писания оказывается затруднительным понимать даже в элементарном смысле.

Какую же картину демонстрирует наше образование - и школьное, и вузовское? Когда-то в программу по литературе в средней школе были введены отдельные уроки по Библии (в РИВШе даже были организованы специальные курсы для учителей, на которых читал лекции автор этой статьи). Однако эти уроки не давали и не могли дать никакого системного знания школьникам, даже первоначального. И это должно быть не изучение Закона Божьего, как это было раньше в царской России, но знакомство с Библией как памятником культуры и духовной опорой различных религий и конфессий, не только

православия. На этой основе станет возможным изучение Библии в вузе, как это делается, например, в университетах США, входящих в «Лигу зеленого плюща», где Библию в общем курсе литературы изучают даже инженеры. В России курс «Библия и мировая культура» читается в МГУ, РГГУ, СПбГУ и других вузах. У нас же системное изучение Писания представлено только в Институте богословия при БГУ и на специальности «Культурология» гуманитарного факультета БГУ. Такое положение вещей, безусловно, нельзя признать удовлетворительным, ибо оно порождает многие серьезные пробелы в нашем гуманитарном образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев, С.С. Арфа царя Давида: У истоков древнейшей лирической традиции / С. С. Аверинцев // Иностранная литература. - 1988. - № 6. - С. 189-190.
2. Аверинцев, С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность»: противостояние и встреча двух творческих принципов / С.С. Аверинцев // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. - М.: Наука, 1971. - С. 206-266.
3. Аверинцев, С.С. Древнееврейская литература / С.С. Аверинцев // История всемирной литературы : в 9 т. - М.: Наука, 1983. - Т. 1. - С. 273-302.
4. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. - М.: Мысль, 1990. - 176 с.
5. Гаспаров, М.И. Несколько параллелей / М.И. Гаспаров // Лит. учеба. 1991. Кн. 5. - С. 107-118.
6. Гёте, И.В. Статьи и примечания к лучшему уразумению «Западно-восточного дивана» / И.В. Гёте; пер. А. В. Михайлова // Западно-восточный диван / И. В. Гёте. - М.: Наука, 1988. - С. 137-345.
7. Гюго, В. Предисловие к сборнику «Оды и баллады» / В. Гюго // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / собр. текстов, вступ. ст. и общ. ред. проф. А.С. Дмитриева. - М.: МГУ, 1980. - С. 443-446.
8. Даймонт, М. Евреи, Бог и история : пер. с англ. / М. Даймонт. - Иерусалим: Библиотека-Алия, 1989. - 530 с.
9. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологизма / А.Ф. Лосев. - М.: Academia, 1930. - Т. 1. - 470 с.